

Культурный вандализм, шельмование невинного и безоговорочная капитуляция перед мародерами?

Берлинское общество им. Глинки обращает настороженное внимание на внезапно появившиеся в средствах массовой информации, словно по чьему-то сигналу, бессмысленные и злонамеренные инсинуации в адрес бессмертного и уважаемого образа великого человека, русского композитора Михаила Ивановича Глинки (1804-1857), упокоившегося уже более 160 лет назад. Опошляется память о гениальном композиторе, обогатившем человечество прекраснейшими мелодиями, отражающими лучшие чувства и переживания миллионов людей.

К нему, человеку своего века, предъявляются претензии века нынешнего. В цивилизованной стране, возглавляющей Европейское сообщество, здравому уму, ситуации нелепее представить невозможно!

Принятые административные решения теряют твердость из-за нападения на них волчьей стаей, ставящей здравомыслие и совесть на колени. Беспремерно подлая попытка сыграть в свою пользу на волне борьбы с расизмом, используя некомпетентность большинства обывателей в отношении предмета нападков, и тем самым провоцируя их к проявлениям агрессии с помощью позорного шума в падкой на грязные сенсации прессе. Говоря словами Вл. Маяковского: *«Нет на прореу карантин!»*, или «на чужой роток не накинешь платок».

Большое сомнение вызывает то, что незванные гробокопатели не могли заранее оценить меру оскорбления, нанесенного их «открытиями» и постыдными «разоблачениями» всем тем, кто когда бы то ни было успел ознакомиться с творчеством Глинки и невыдуманными фактами его трудной жизни. Все сделано ими вполне сознательно и что того хуже, не нашлось авторитетных специалистов в среде музыкальных деятелей, которые могли бы дать моральный и профессиональный отпор злодеям.

Душой Глинки была Музыка как высшее проявление человеческих чувств. Композитор был открыт музыкальной культуре и традициям других народов. Кто не глух, тот собственными ушами слышал его симфонические произведения, оперы и романсы. Глинка был изначально дружен с великими гуманистами и поэтами России, среди многих имен можно, по меньшей мере, назвать В.А. Жуковского и А.С. Пушкина. Последний посвятил ему экспромпт, сочиненный в присутствии композитора:

*«Слушая сию новинку,
Зависть злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не сможет в грязь»*

Честные и порядочные люди не допустят затапывания беззащитной светлой памяти композитора, хотя мерзкие потуги продолжают. Имя и музыка Михаила Глинки будут жить вечно, что не светит оголтелым врагам истины и благородных чувств.

Не вина Глинки, что жить ему довелось в феодальный век. Дворянин, он не мог не быть монархистом. Не мог он и не унаследовать имение своего отца, владевшего им на законном в то время социальном уровне, но сам же и освободил «своих» крестьян от феодальной зависимости ещё до известной образованным людям Реформы 1861 года, проведённой в России за пределами жизни композитора.

Любителям «клубнички» на чужом поле не интересно знать, что Глинке, как и любому человеку, присущи были и высокая дружба, и любовь. Он относился уважительно и к знакомым, посещавшим его в Берлине. Среди них был и Антон Рубинштейн - композитор, пианист, дирижер и музыкально-общественный деятель, основатель первой в России Консерватории, открытой в Санкт-Петербурге в 1862 году, через пять лет после смерти первого классика русской музыки М.И.Глинки.

Глинка длительное время жил в Берлине, в котором он глубоко укоренился, на Канонирштрассе, переименованной в 1951г. по инициативе Фридриха Эберта, правящего бургомистра Берлина, в Глинкаштрассе. *«Hier bin ich zuhause»* (Здесь я дома). Он и умер здесь и похоронен был на кладбище общины Драйфальтигкайткирхе (Dreifaltigkeitskirche).

Учителем Глинки в области гармонии и теории музыки был и стал его пожизненным другом выдающийся музыковед, критик, педагог и собиратель произведений композиторов разных эпох - Зигфрид Вильгельм Ден (Dehn)¹.

«Нет сомнения, что Дену обязан я более всех других моих maestro», писал в автобиографических записках Глинка. В созданном Деном фонде в Королевской (ныне государственной) библиотеке дорожат и любовно сохраняют автографы Глинки и издания его произведений.

В Берлине же Глинка полюбил прекрасную девушку Марию.

«Она была несколько израильского происхождения». Кто из этих жалких личностей, представших в эти дни в СМИ в гнуснейшей роли провокаторов, попробовал без всякого труда взять в библиотеке доступные подростку простосердечные «Записки» Глинки и там прочесть об этом? И сделать это до того безумия, как предаться своим средневековым «открытиям» и инквизиторскому мракобесию. Они бы на беду свою узнали подсекающую все измышления правду о планировавшемся браке, который не свершился не по вине влюбленных.

«Я начал учить её пению, написал ей этюды (из одного из них впоследствии аранжировал «Еврейскую песню» для драмы Нестора Кукольника «К. Холмский»)», на тему из глубокой старины, замысел и тексты которой всецело принадлежали драматургу. Никто из авторов какого бы то ни было текста или мелодии, как известно любому образованному критику, не отвечает за дальнейшее использование их другими в составе собственных сочинений, структура и сюжет которых на совести авторов последних. Таковы факты, и они - не повод для безудержного шельмования и обвинения в антисемитизме Человека и Творца.

Наконец, ещё одним добрым почитателем Глинки и его произведений был Генеральный музыкальный директор Королевского двора Джакомо Мейербер, способствовавший триумфу музыки Глинки в официальной Пруссии.

¹ см. биография Зигфрид Вильгельм Ден (Dehn)

<https://www.deutsche-biographie.de/sfz9533.html>

Потрудитесь, писаки и болтуны, почитать его жизнеописание. Потути мелких особей, подобные которым в зоологическом мире разносят губительную чуму, направляются сегодня на использование любого предлога, принижающего величие лучших представителей людской цивилизации до своего жалкого уровня амбициозных выскочек. Их родня – крыловская Моська, лаявшая на Слона.

Нынешний бенефис злопыхателей сводится к желанию, пагубное значение которого не доступно их рассудку, посеять семена новых и новых розней и бессмысленных для современного человечества войн и междоусобиц.

Довольно!

Мы не обратили бы ни малейшего внимания на все эти ничтожные выходки, если бы они еще в зародыше не представляли новой грозной опасности. Помните не столь давнее прошлое. Будьте бдительны, Люди!

К сожалению, сейчас нет с нами поэта, равного по силе страсти М. Лермонтову, который обратил бы против «учёных» ненавистников свой *«железный стих, облитый горечью и злостью»*. А может, он ещё и найдется и даст достойную отповедь тем, которые не знают ни нашей славы, ни на что и на кого поднимают свои навороченные РС.

Но суд ЛЮДСКОЙ *« есть грозный судия [...] Он не доступен звону ЗЛАТА »!*